

UNITED WISDOM

Творческое выражение того, для чего ещё нет слов

Человек и внутренний мир

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

I-18-N03 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Творческое выражение того, для чего ещё нет слов

Эпиграф

> *«чувства, которые он пережил»*

Лев Толстой, «Что такое искусство?», глава V; фрагмент определения искусства. Собственный перевод с английского перевода Aylmer Maude.

О чём эта статья

Иногда человек может подробно рассказать, что произошло, и всё же не находит слов для самого существенного. Встреча закончилась спокойно, работа выполнена, никто не произнёс ничего обидного. Но осталась странная тяжесть, которую не хочется сразу называть ни усталостью, ни раздражением. Тогда на полях появляется рисунок, в голове повторяется мелодия, а несколько несвязных строк оказываются точнее готового объяснения. Это ещё не сообщение другим и не разгадка собственной личности. Это попытка дать переживанию форму, с которой можно вступить в разговор.

Творческое выражение здесь понимается широко: линия, звук, движение, небольшой текст или расположение предметов. Для такой попытки не требуется считать себя художником. Статья исследует, как форма может помочь удержать неопределённость, что она позволяет заметить и где её убедительность начинает вводить в заблуждение. Практическая цель скромнее обещания исцеления: научиться различать созданный образ, собственную интерпретацию и возможное действие, сохраняя право ничего не показывать и ничего пока не объяснять.

I. Между событием и названием остаётся пространство

Отсутствие подходящего слова не означает отсутствия переживания. Однако из этого не следует, что внутри уже спрятано готовое сообщение, которое нужно только расшифровать. Иногда человеку мешает недостаток времени, иногда рядом слишком много слушателей, иногда привычный словарь грубо объединяет разные впечатления. Слово «нормально» может скрывать и удовлетворение, и осторожность, и нежелание обсуждать вопрос. Пока различия не появились, честнее сохранить несколько возможностей, чем выбрать самую драматичную.

@andrey.zarinsh @ilkutki

Представим условный пример. После удачной презентации Ирина рисует небольшой квадрат, окружённый плотными линиями. Она ожидала радости, но теперь смотрит на рисунок и думает о закрытости. Было бы поспешно заключить, что квадрат изображает подавленную личность или доказанную проблему на работе. Она могла рисовать тесное помещение, собранность перед выступлением или просто удобную геометрическую фигуру. Значение не содержится в линии как адрес на конверте. Оно возникает в том числе из вопросов, которые Ирина задаёт своему рисунку.

Первое полезное различение проходит между точностью факта и точностью впечатления. Можно совершенно верно указать время встречи, состав участников и принятое решение, но неточно назвать своё отношение к ним. И наоборот, выразительный рисунок способен передать пережитое напряжение, не сообщая надёжных сведений о чужих намерениях. Эти два вида точности обслуживают разные задачи. Их не нужно заставлять соперничать за право быть единственной истиной.

Поэтому начало творческой попытки может звучать без большого заявления: сейчас это выглядит для меня так. Такая формулировка оставляет образу место и одновременно ограничивает его полномочия. Он показывает нынешний способ видеть ситуацию. Завтра детали могут измениться, и это не обязательно означает, что сегодняшний рисунок был ложным. Он мог быть верным свидетельством сегодняшнего внимания, а не окончательным описанием всей жизни.

Есть и простая материальная причина выбрать форму: человеку удобнее сравнивать два видимых варианта, чем удерживать в памяти два смутных состояния. Он рисует рядом тесный и свободный квадрат, перечитывает две строки с разным ритмом, меняет расстояние между предметами. В каждом случае появляется различие, которое можно заметить. Это собственная практическая логика статьи; она не выдаётся за установленный механизм творчества или универсальный психологический закон.

II. Форма позволяет остановиться на различии

Созданная вещь полезна уже тем, что не исчезает в ту же секунду, когда меняется настроение. Линия остаётся на бумаге; записанный звук можно услышать ещё раз; выбранные слова допускают перестановку. У человека появляется возможность вернуться к детали, которая раньше терялась в общем впечатлении. Он не обязан немедленно объяснять целое, чтобы рассмотреть часть.

В нашем условном примере Ирина замечает, что её внимание привлекает не сам квадрат, а почти отсутствующее расстояние между ним и окружающими линиями. Она делает второй рисунок с небольшим промежутком. Вопрос меняется: ей сейчас нужно исчезнуть из ситуации или получить немного места внутри неё? Это различие не было

извлечено из тайного словаря символов. Его предложило сравнение двух собственных вариантов. Если ни один не подходит, можно сделать третий или оставить вопрос открытым.

Здесь важна возможность редактирования. Форму часто воспринимают как внезапное откровение, которому следует повиноваться. Но рисунок можно повернуть, текст сократить, мелодию сыграть медленнее. Изменение не предаёт переживание; оно позволяет проверить, какая часть образа существенна. Если после перестановки всё кажется одинаково верным, возможно, пока найдена только общая атмосфера. Если небольшая перемена резко меняет смысл, стоит присмотреться именно к ней, не превращая её в диагноз.

Другой условный пример связан с письмом. Мужчина пишет о семейном разговоре три предложения, но каждый раз заменяет глагол: «я выдержал», «я остался», «я участвовал». Событие то же, позиции разные. Ему становится яснее, что он переживает не только усталость, но и вопрос о собственном участии. Для следующего разговора может оказаться полезным именно этот вопрос. Художественная ценность трёх строк при этом совершенно не обязательна.

Нельзя обещать, что форма всегда приведёт к ясности. Иногда повторное рассматривание только усиливает путаницу. Тогда имеет смысл сменить задачу: записать известные факты, заняться обычным делом, отложить лист. Возможность остановиться входит в такую практику наравне с возможностью продолжить. Если для получения якобы правильного ответа приходится бесконечно усиливать напряжение, сам способ работы уже заслуживает пересмотра.

Полезность можно оценить по небольшому наблюдаемому результату: возникло различие, появился вопрос, стало легче обозначить просьбу или выяснилось, что пока требуется пауза. Эти результаты не равны раскрытию глубинной истины. Но они достаточно конкретны, чтобы человек мог решить, стоит ли ему возвращаться к выбранной форме.

III. Передать чувство и выразить его для себя — разные задачи

Толстой в главе V «Что такое искусство?» определяет искусство через передачу пережитого чувства другим. Это его эстетическая позиция, а не научный критерий. Для нашей темы она ставит полезный вопрос: нужен ли сейчас адресат?

Не всякая творческая попытка направлена на общение. Записка, которую никто не прочтёт, может помочь её автору различить два желания. Мелодия, которую человек

напевает только по дороге домой, может остаться способом обозначить настроение для себя. Чтобы эти действия имели смысл, не обязательно доказывать, что они соответствуют определению настоящего искусства. Личный черновик и произведение для публики могут существовать рядом, не проходя один и тот же экзамен.

Если адресат появляется, задача усложняется. Собственный образ нельзя автоматически считать общим языком. Для автора пустой стул означает ожидание, для другого человека — облегчение после шумной встречи. Различие не обязательно свидетельствует о чьей-то нечуткости. Каждый приносит в восприятие свой контекст. Автор может пояснить, какую деталь считает важной, и спросить, что увидел собеседник. Разговор начинается с расхождения, а не с требования угадать.

Представим, что Ирина решает показать рисунок коллеге. Слова «посмотрите, как вы меня загнали» превратят изображение в обвинение и заранее назначат виновного. Формулировка «после встречи мне захотелось нарисовать это; кажется, мне нужно больше пространства для ответа» оставляет возможность обсудить конкретные условия. Коллега может согласиться, уточнить обстоятельства или предложить иной способ распределить время. Рисунок помогает начать разговор, но не заменяет проверку того, что происходило между людьми.

Есть также различие между приглашением и обязательством. Можно предложить человеку услышать небольшой текст, не требуя от него немедленной эмоциональной реакции. Можно спросить, удобно ли сейчас смотреть рисунок. Отказ слушать именно сегодня не устанавливает ценность работы или отношения в целом. Если автору нужна поддержка, лучше назвать эту просьбу прямо: мне важно, чтобы вы несколько минут послушали без оценки качества.

Так возникает достаточно бережный маршрут от личной формы к общению. Сначала человек замечает, что сделал. Затем определяет, чего хочет от адресата. После этого выбирает степень открытости и оставляет другому право на собственное восприятие. Ни один этап не гарантирует взаимопонимания, но каждый делает условия разговора яснее.

IV. Цвет не является готовым словарём личности

Кандинский в разделе VI «О духовном в искусстве» связывает форму с внутренним смыслом. Это художественная и духовная концепция автора. Мы не превращаем её в диагностический словарь цветов или фигур.

Именно на этом месте привлекательная мысль легко становится чрезмерной. Человек рисует чёрную полосу, и кто-то объявляет её доказательством скрытого страха. Он выбирает красный, и ему приписывают агрессию. Подобная уверенность избавляет интерпретатора от необходимости спрашивать самого автора. Между тем полоса могла

возникнуть из-за единственного доступного маркера, красный — напоминать праздничную ткань, а круг — быть просто приятным движением руки.

Материал тоже участвует в выражении. Тонкая бумага быстро намокает, карандаш оставляет иной след, чем кисть, диктофон усиливает одни звуки и теряет другие. Случайная особенность результата не обязана становиться сообщением о личности. Прежде чем искать скрытый смысл разрыва на листе, полезно узнать, как этот лист оказался порван. Внимание к обстоятельствам не обедняет образ; оно защищает его от чужой слишком удобной истории.

Если человек сам говорит, что полоса для него связана со страхом, это важное свидетельство его нынешнего понимания. Но и тогда можно уточнить: какого события он опасается, когда это ощущение возникает, что помогает проверить предположение. Смысл цвета не делает эти вопросы ненужными. Он может направить внимание, но не отвечает вместо человека и не устанавливает причинность.

Представим другой условный случай. Два участника рисуют одинаковую лестницу. Первый думает о продвижении в работе, второй — о необходимости постоянно доказывать право остаться. Совпадение внешней формы скрывает различие задач. Если ведущий заранее знает, что лестница всегда означает рост, он лишит второго участника возможности сформулировать собственный опыт. Поэтому бережная интерпретация начинается с вопроса о значении, а не с объявленного ответа.

Эта граница особенно важна, когда изображение кажется сильным и красивым. Эстетическая убедительность не равна достоверности психологического объяснения. Впечатляющий образ может быть точным для одной минуты и неподходящим для другой. Его достоинство не уменьшается от того, что он допускает пересмотр. Напротив, человек сохраняет возможность пользоваться им, не отдавая ему власть определять все будущие решения.

V. Черновик требует другой меры, чем произведение

Творческая попытка может остановиться ещё до начала, если человек предъявляет к ней требования законченной работы. Он хотел обозначить непривычное чувство, но уже оценивает композицию, рифму и возможную реакцию публики. Задача незаметно поменялась: вместо различения опыта возник конкурс мастерства. Чтобы продолжить, полезно вернуть меру к исходному намерению.

Черновику можно задать очень небольшую рамку. Например, выбрать три линии, две короткие фразы или минуту звучания. Ограничение здесь не обещает эффективности и не является правилом для всех. Оно лишь делает выбранную попытку обозримой. Важнее,

чтобы человек сам понимал её задачу: сейчас я хочу заметить разницу между ожиданием и разочарованием, а не создать убедительный рассказ обо всей своей жизни.

В условной сцене начинающий автор пишет о расставании и обнаруживает, что каждое предложение звучит как известная песня. Он может решить, что ему нечего сказать. Но возможен другой вывод: пока готовый культурный язык опережает его собственное внимание. Тогда полезно записать одну конкретную деталь — чашку, которую он по привычке поставил на стол для отсутствующего человека. Деталь не обязана доказывать масштаб утраты. Она может просто позволить начать с того, что действительно замечено.

Навык и искренность не исключают друг друга. Человек вправе учиться рисовать, читать хорошие тексты, менять форму после совета. Однако техническая правка отвечает на вопрос о способе выражения, а не о законности чувства. Неудачная рифма не делает переживание ненастоящим; сильная композиция не подтверждает любую мысль автора. Смешение этих оценок заставляет человека защищать слишком многое сразу.

Есть и обратная опасность: назвать любую первую попытку окончательной только потому, что она искренняя. Для личной записи этого может быть достаточно. Для публичного произведения появятся другие вопросы — точность фактов, права упомянутых людей, ясность обращения к читателю. Право выражаться не отменяет ответственности за публикацию. Поэтому решение сохранить черновик, показать его одному человеку или работать над произведением заслуживает отдельного выбора.

Небольшая форма удобна своей обратимостью. Её можно отложить, переписать или оставить незаконченной. Не всякое начатое выражение обязано превратиться в проект. Иногда найденное слово выполняет всю нужную работу, и дальнейшая художественная обработка уже относится к иной цели.

VI. Узнавание образа ещё не объясняет его происхождение

Сильное узнавание может быть полезным, но оно не устанавливает, почему человек оказался в нынешней ситуации. Он смотрит на рисунок и думает: это точно про меня. Следующий вопрос должен сохранить разницу между совпадением и объяснением. Что именно совпало — настроение, повторяющаяся сцена, желание, страх перед будущим? Какой части жизни образ не соответствует?

Представим, что человек написал небольшой рассказ о птице в клетке. Ему кажется, что теперь причина всех трудностей очевидна: его всегда ограничивали другие. Но рассказ не показывает, кто принял конкретное решение, какие возможности были доступны и почему он сам не выбрал одну из них. Возможно, внешнее давление действительно важно. Возможно, он согласился на тесную рамку ради определённого преимущества.

Возможно, сейчас возможностей стало меньше по вполне материальным причинам. Каждая версия требует собственных фактов.

Образ можно использовать как источник вопросов. Где в этой истории дверь? Кто может её открыть? Что птица потеряет, если выйдет? Такие вопросы не являются тестом личности. Их ценность зависит от того, помогают ли они человеку увидеть реальные развилки. Если ответы начинают звучать как обязательная судьба, полезно выйти из рассказа и назвать обычные обстоятельства: договор, деньги, время, обязанности, доступные собеседники.

Проверка альтернатив не уничтожает эмоциональную правду. Человеку может быть тесно даже тогда, когда он сам согласился на условия. Он может сожалеть о решении, которое когда-то было разумным. Признать это сложнее, чем назначить одного виновника, зато появляется возможность обсуждать изменение условий. Художественная форма удерживает напряжение; фактическое уточнение помогает выбрать действие.

Полезно также создать противоположный образ, не требуя от себя поверить в него. Если первая сцена показывает только заключение, вторая может показать только свободу. Сравнение иногда выявляет цену обеих крайностей. При этом второй рисунок не должен насильно исправлять первый или убеждать человека, что он зря переживает. Его задача — проверить, что отсутствует в первоначальной картине.

После такой проверки можно сохранить первоначальный образ. Он не обязан оказаться ошибкой, чтобы работа принесла пользу. Иногда меняется лишь подпись: вместо «вся моя жизнь» появляется «как я чувствовал себя во вторник вечером». Более узкая формулировка делает изображение честнее и позволяет не применять его автоматически к каждому новому событию.

VII. Другой человек не обязан раскрывать ваш рисунок

Право создать личную форму включает право определить, кому и как её показывать. Вместе с тем адресат не получает обязанности извлечь из неё единственно правильный смысл. Когда это различие исчезает, творческое выражение может стать скрытым испытанием близости: если человек действительно любит, он должен понять без слов. Неудача такого испытания причиняет боль, но ничего надёжного не доказывает.

В условном примере женщина отправляет партнёру короткий текст о пустом доме и ждёт приглашения поговорить. Партнёр отвечает, что текст красивый. Она слышит равнодушие, хотя он мог не знать, что от него ожидали иной реакции. Более ясное обращение не обязано уничтожать тонкость текста: «Это связано с моим сегодняшним

одиночеством; можете вечером немного побыть со мной?» Художественная форма и конкретная просьба способны существовать в одном сообщении.

Иногда автор хочет получить только присутствие, иногда — вопрос, иногда — помощь с формой. Эти виды отклика различаются. Советы по рифме могут оказаться неуместными, если человек впервые решился показать личную запись. Эмоциональная поддержка может не отвечать запросу, если он действительно просил отредактировать стихотворение. Небольшое уточнение цели бережёт время и позволяет обоим участникам не угадывать роли.

Слушателю тоже можно оставить понятный путь. Он вправе сказать, что не уверен в своём понимании, назвать замеченную деталь или попросить пояснение. Фраза «мне видится расстояние между людьми; это близко к вашему замыслу?» предлагает версию, которую можно поправить. Фраза «очевидно, вы боитесь близости» превращает восприятие в приговор. Разница касается не степени красивости слов, а права автора уточнять собственное значение.

Публикация требует ещё одной границы. В тексте могут присутствовать чужие поступки, узнаваемые обстоятельства или доверительно сообщённые сведения. Автору полезно отдельно проверить, что он вправе раскрыть и кому принадлежит описанный опыт. Замена имени не всегда делает человека неузнаваемым. Поэтому решение показать работу широкой аудитории нельзя выводить только из чувства облегчения после её создания.

Творческая открытость не измеряется количеством раскрытых деталей. Иногда достаточно показать ритм, образ или одну фразу, сохранив обстоятельства личными. Такая сдержанность может быть сознательным выбором формы и адресата. Человек не обязан превращать весь свой опыт в материал, доступный чужому толкованию.

VIII. Иногда итогом становится обычная фраза

Самый полезный результат творческой попытки может оказаться совсем не художественным. После нескольких рисунков человек находит простое предложение: мне нужно больше времени, я не хочу сейчас обсуждать это, мне радостно и одновременно тревожно. Форма помогла подойти к словам, а затем уступила им место. Её задача выполнена, даже если никто никогда не увидит лист.

Вернёмся к Ирине. Сравнив два квадрата, она не обнаружила тайную причину своей жизни. Она заметила, что на встрече слишком быстро соглашалась с предложениями, прежде чем успевала сформулировать вопрос. Теперь можно проверить конкретный шаг: попросить присылать материалы заранее или оставить в конце несколько минут для

уточнений. Если это не изменит её состояние, появится новая информация. Неудача шага не обесценит рисунок; она ограничит прежнее объяснение.

Иногда итогом будет отсутствие подходящего действия. Человек различил переживание, но не решил, что с ним делать. Это тоже допустимая остановка. Между выражением и решением может требоваться время, разговор или уточнение обстоятельств. Требование немедленно превратить каждый образ в полезный результат делает творчество ещё одной системой обязательной отчётности. Для личной попытки такая мера часто избыточна.

Стоит сохранять разницу между выразить и усилить. Если человек снова и снова воспроизводит один образ, он может лучше его понять, а может лишь сделать его привычнее. Вопрос о результате остаётся открытым: появились ли новые различия, изменилась ли доступная просьба, стало ли яснее, какие факты неизвестны? Когда ничего не меняется, можно выбрать другой способ внимания без обвинения себя в недостаточной глубине.

Наконец, творческая форма не обязана завершаться словесным переводом. Музыка может остаться музыкой, рисунок — рисунком. Человек вправе знать, что ему важно возвращаться к этой вещи, не предъявляя окончательного объяснения. Но если на основании вещи принимается решение, затрагивающее других, потребуются более явные основания. Личное значение и общая договорённость живут по разным правилам.

Так сохраняется двойная свобода: пробовать выразить то, что пока не названо, и не объявлять получившуюся форму последней инстанцией. Можно доверять вниманию, которое возникло во время работы, и одновременно проверять выводы. Это позволяет творчеству участвовать в жизни без обещания объяснить человека целиком.

IX. Форма не заменяет ответа на общий вопрос

Не всякую жизненную задачу можно решить выразительным жестом. Если людям нужно согласовать время, распределить расходы или понять, принято ли предложение, важна достаточно ясная договорённость. Рисунок может сообщить отношение к обсуждению, но не устанавливает согласие. Молчаливое исполнение песни не отвечает автоматически на вопрос о готовности участвовать в проекте. Эти ограничения касаются устройства общения, а не ценности творчества.

Представим условный случай: человек вместо ответа на приглашение отправляет фотографию пустой дороги. Адресат видит в ней желание приехать, автор подразумевал потребность побыть одному. Ни один из них не обязан был угадать значение. Но до покупки билетов потребуется обычное уточнение. Можно сохранить фотографию как

важный образ и добавить: сегодня не приеду, вернусь к разговору завтра. Это не обедняет выражение, а определяет действие.

Особенно полезно разделить два момента: что мне хочется показать и что другому необходимо знать для собственного выбора. Человек может не раскрывать причины отказа, но назвать сам отказ. Он может оставить чувство неназванным, но обозначить срок ответа. Так творческая неопределённость сохраняется там, где она уместна, и не перекладывает на другого обязанность принимать решения по догадке. Взаимное пространство появляется не только благодаря глубокому пониманию, но и благодаря достаточно понятным условиям.

Что это значит на практике

Выберите небольшую условную сцену или недавний эпизод, который готовы рассмотреть. Сначала запишите два известных факта без толкования мотивов. Затем попробуйте одну доступную форму: несколько линий, короткий текст, минуту звука или расположение трёх предметов. Задайте ей ограниченную цель — заметить различие, которое пока трудно выразить. Сохраняйте возможность прекратить попытку.

Посмотрите, какая деталь привлекает внимание, и измените только её. Сравните варианты. Не спрашивайте, что рисунок доказывает о вашей личности; спросите, какой вопрос теперь стал возможен. Затем проверьте, не относится ли ответ к фактам, которых вы ещё не знаете. Образ чужого молчания не объясняет чужого намерения, а изображение тесноты не определяет, кто и как её создал.

Если захотите показать результат, заранее обозначьте желаемый отклик: присутствие, вопрос, техническую помощь или обсуждение конкретной просьбы. Вы вправе оставить работу личной. Для решения в реальной ситуации переведите найденное различие в проверяемое действие либо сохраните паузу. Полезный итог может быть очень небольшим: более точное слово, ясная граница, новый вопрос. Ни один из этих результатов не требует считать художественную форму диагнозом или доказательством скрытой истины.

Ключевая цитата

> *«Форма есть внешнее выражение».*

Василий Кандинский, «О духовном в искусстве», VI, фрагмент высказывания о внутреннем смысле формы. Собственный перевод английской версии Michael T. H. Sadler. Это художественная позиция, не диагностическое правило.

Связи между традициями

Сопоставление	Общее внимание	Существенная граница
Толстой ↔ личный черновик	Чувство получает форму	Для частной записи адресат необязателен
Кандинский ↔ собственная практика сравнения	Важен смысл формы	Цвет не устанавливает диагноз
Эстетическое выражение ↔ фактическое уточнение	Опыт становится доступен рассмотрению	Красота не доказывает причину

Последние два практических сопоставления — редакционные различения этой статьи; они не доказывают общего учения всех культур.

Первоисточники

• Leo Tolstoy, What Is Art?, перевод Aylmer Maude, глава V. Прочитан фрагмент определения и его непосредственный контекст.

• Wassily Kandinsky, Concerning the Spiritual in Art, перевод Michael T. H. Sadler, VI и VIII. Прочитаны выбранные абзацы о форме и авторском высказывании; не вся книга.

Теги

творчество, выражение, слова, переживание, форма, образ, рисунок, письмо, музыка, движение, черновик, искусство, Толстой, Кандинский, эстетика, внимание, различение, неопределённость, интерпретация, контекст, адресат, общение, границы, просьба, выбор, факты, метафора, пересмотр

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.